

Рябинина Марианна Владимировна

ФОРМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В ПОВЕСТИ Г. АЛЕКСЕЕВА "ОСИРОТЕВШИЕ ДУШИ"

Данная статья посвящена изучению прямой формы психологического изображения в повести марийского писателя Г. Алексева "Осиротевшие души". В ней впервые выявляются и описываются доминирующие приемы "прямого психологизма", их функции в художественном тексте. Определяется специфика использования автором несобственно-прямой речи, раскрывается ее связь с повествовательной перспективой текста, анализируются основные виды внутреннего монолога.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 147-150. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

не Гете с вечно скучающим Фаустом, а Гораций, изживающий душевные недуги на лоне сельской природы. В годы юности русский поэт сторонится скучных текстов – сочинений графоманов и педантов «Беседы», метафизических философских трактатов Платона и Канта. Однако чем ближе русская культура оказывалась к трагическому 1825 году, тем более в моду входило скучающее лицо денди; семантика скуки приобретала позитивные черты: теперь она маркировала мыслящего человека, была «отдохновением души» [2, с. 43].

Список литературы

1. **Арзамас и арзамасские протоколы.** Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. 304 с.
2. **Батюшков К. Н.** Стихотворения. М.: Художественная литература, 1977. 206 с.
3. **Библиотека в саду: Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве.** М.: Книга, 1985. 255 с.
4. **Виролайнен М.** Две чаши (О дружеском послании 1810-х годов) // Русские пиры (Альманах «Канун». Вып. 3). СПб.: Наука РАН, 1998. С. 40-70.
5. **Вяземский П. А.** Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1958. 506 с.
6. **Гораций.** Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Художественная литература, 1970. 479 с.
7. **Грот К. Я.** Пушкинский Лицей (1811-1817). Бумаги I курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб.: Академический проект, 1998. 512 с.
8. **Жуковский В. А.** Сочинения: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 1. 438 с.
9. **Кант И.** Из опубликованных посмертно материалов 1770-1780 годов // История эстетики: в 5-ти т. М.: Искусство, 1967. Т. 3. 1007 с.
10. **Кант И.** Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. 468 с.
11. **Пушкин А. С.** Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 1. 744 с.
12. **Пушкин А. С.** Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 2. 688 с.

THE RUSSIAN LYRIC POETRY OF THE GOLDEN AGE: POETS' DIALOGUES ABOUT BOREDOM AND BOOKS

Prodanik Nadezhda Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Omsk State Pedagogical University
omsk.nadezhda@mail.ru

The semantics of boredom and the metaphor «book-friend» in the Russian lyric poetry of the 1810-1820s are considered in the article. The poets of the Golden Age realize the negative influence of boredom and overcome it; anacreontic merriment, Horace's principle of «golden mean» and books-friends – Horace's lyric poetry – are among the «medicines» for tiresome yawning. The metaphor «book-friend» is opposed to the phenomenon of boring texts – the philosophical works of Plato and Kant, and also the writings of ungifted pedants and scribblers.

Key words and phrases: the Russian literature history; lyric poetry of the Golden Age; semantics of boredom; metaphor «book-friend» in the Russian poetry of the beginning of the XIX century; boring book phenomenon.

УДК 821.511.151

Филологические науки

Данная статья посвящена изучению прямой формы психологического изображения в повести марийского писателя Г. Алексеева «Осиротевшие души». В ней впервые выявляются и описываются доминирующие приемы «прямого психологизма», их функции в художественном тексте. Определяется специфика использования автором несобственно-прямой речи, раскрывается ее связь с повествовательной перспективой текста, анализируются основные виды внутреннего монолога.

Ключевые слова и фразы: марийская литература; повесть; формы психологического изображения; приемы психологизма.

Рябинина Марианна Владимировна

Марийский государственный университет
mar.riabinina@yandex.ru

**ФОРМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ
В ПОВЕСТИ Г. АЛЕКСЕЕВА «ОСИРОТЕВШИЕ ДУШИ»[©]**

Глубокие и серьезные духовные перемены, происшедшие в жизни общества во второй половине XX века, оказали немалое влияние на развитие марийской повести. В ней четко наметилось новое направление, которое отражало возросший интерес писателей к внутреннему миру человека, ставило нравственные проблемы и пыталось предложить свои способы их решения.

Стремление понять с современных позиций необъятную жизнь, причудливые изгибы и повороты человеческой психики обнаруживается в художественных поисках таких марийских прозаиков, как Ю. Артамонов, В. Иванов, З. Каткова, Г. Алексеев, А. Александров-Арсак и др. Геннадий Алексеев, названный в этом ряду, вошел в марийскую литературу как художник широких и разносторонних творческих возможностей. Его отличает интерес к развитию мыслей и чувств героев во всем их многообразии и непосредственности, к подробностям изменения характера не только под определяющим воздействием среды, но и в результате довольно устойчивого, самостоятельного внутреннего развития, к нравственным исканиям героя. Писатель использует широкий арсенал художественных средств и приемов, позволяющих воссоздать сложную картину душевной жизни героев.

Существуют три основные формы психологического изображения, к которым сводятся, в конечном счете, все конкретные приемы воспроизведения внутреннего мира (первые два были обоснованы И. В. Страховым [6]): 1) прямая форма психологического изображения – способ художественного познания внутреннего мира действующего лица «изнутри», с помощью внутренней речи, образов памяти и воображения; 2) косвенная форма – способ, выражающийся в «психологической интерпретации художником особенностей речи, речевого поведения, мимики и других форм внешнего проявления психики», так называемый психологический анализ «извне»; 3) суммарно-обозначающая форма – это способ называния чувств, мыслей персонажа, краткое обозначение тех процессов, которые протекают во внутреннем мире (его предложил А. П. Скафтымов [5], исследуя особенности психологического изображения у Ф. Стендаля и Л. Толстого).

Следует отметить, что каждая форма психологического изображения обладает разными познавательными, изобразительными и выразительными возможностями, но ведущая роль в системе психологизма автора почти всегда отводится прямой форме повествования. Примером тому может послужить и повесть Г. Алексеева «Тулукчон» («Осиротевшие души»).

Данная статья посвящена изучению прямой формы психологического изображения, доминирующей в вышеуказанной повести. Задача автора – выявить и описать комплекс психологических приемов повествования, связанных с данной формой, выявить их функции в художественном тексте.

Г. Алексеев в повести «Осиротевшие души» нацеливает внимание читателя на проблему любви и связанные с ней драматические изгибы человеческой жизни. В частности, автора волнуют причины появления неполных семей, стремление некоторых женщин не обременять себя заботами о детях, пьянство как страшное горе семьи и др. При этом в повести «Осиротевшие души» он не довольствуется простым описанием, воссозданием жизни главного героя Николая, обосновавшегося после окончания вуза в городе. Повесть не случайно названа «Осиротевшие души». Николай, казалось бы, должен быть доволен своей семейной жизнью, тем как она сложилась для него. С женой Таей серьезных размолвок не было. Но он в последнее время все чаще чувствует внутреннее недовольство собой и некую опустошенность души. Это чувство внутреннего дискомфорта дает о себе знать еще больше в дни отпуска. Как отмечает Г. Н. Сандаков, «есть такая закономерность, исходящая из человеческой психологии и нашей общественно-трудовой деятельности, в том, что в экспозиции многих произведений изображается человек, потерявший душевный покой во время отпуска, когда у него появляется возможность мысленно пройти по всей прожитой им за год жизни, проанализировать себя со всех сторон. Так в повести «Осиротевшие души» Г. Алексеева главный герой Николай теряет внутреннее равновесие» [4, с. 139-140]. Причиной тому становится кошмарный сон о Миле и юношеской любви. Проснувшись, Николай пытается понять, почему разошлись их пути, а его женой стала Тая, то есть совсем другая женщина.

Вся эта история изложена в форме авторского повествования от третьего лица. Именно она делает максимально востребованной прямую форму психологического изображения, явно раскрывающую внутреннее состояние главного героя. По словам исследователя А. Б. Есина, «это именно та художественная форма, которая позволяет автору без всяких ограничений вводить читателя во внутренний мир персонажа и показывать его наиболее подробно и глубоко. Для автора нет тайн в душе героя – он знает о нем все, может проследить детально внутренние процессы, объяснить причинно-следственную связь между впечатлениями, мыслями и переживаниями» [3, с. 37].

Используя вышеуказанную повествовательную форму, Г. Алексеев активно входит в контакт со своими героями, в ходе описания событий повествователь делится своими воспоминаниями, выражает собственные эмоции, свою позицию по поводу поведения героев, выстраивает версии и предположения: «Многое ты тогда не понимал, Николай. Не знал: девочки взрослеют раньше парней. Помнишь, как однажды поссорились с Милей? Если так подумать, без всяких причин. Как-то случайно подшутил над ее подружкой: обижался, что они всегда вместе, что-то обсуждают. Ревновал, наверное, девушку к девушке. Интересно... А потом сам горевал, скучал. Но сам первым не подходил к ней. Ты же парень?! <...> Думал, что вы с Милей никогда не расстанетесь, а жизнь повернулась к вам другой стороной» [1, с. 108] (здесь и далее перевод с марийского автора – М. Р.).

В представленном отрывке автор прямо обращается к своему герою, а имя героя звучит как прямой адресат речи в форме обращения. Создается ощущение, что автор проигрывает ход внутренней речи персонажа, а речь повествователя при этом обретает черты психологической и языковой стилистики героя. Обращаясь к несобственно-прямой речи, являющейся одним из главных приемов прямого психологического изображения в повести «Осиротевшие души», автор получает возможность достичь непосредственности впечатления от описываемого, эффекта достоверности, психологической глубины, передать динамику чувств и мыслей действующих лиц. Особенно это заметно при воссоздании характера главного героя – Николая. Многое из происходящего в повести передано автором через его воспоминания, восприятие и осмысление. В сознании героя сливаются прошлое и настоящее, в повествовательную нить входит оценка былого с высоты времени, с позиций накопленного опыта, а также общечеловеческих, непреходящих ценностей. Герой вспоминает свою молодость, пытается найти причины несложившейся семейной жизни. В композиции произведения важное

место начинает играть «двойная перспектива видения – тогда и теперь» [7, с. 197]. При этом голоса автора и героя сливаются, их мысли текут в одном русле. Они думают о том, что жизнь человека нелегка от рождения, она полна лишений, утрат, страданий, испытаний; к тому же люди сами усугубляют свою жизнь всевозможными конфликтами, ссорами, причиняют боль друг другу: «Из-за этого не замечают, как пролетают не только дни, но и годы, а жизнь нам отпущена всего лишь одна» [1, с. 106]. Так, отталкиваясь от конкретного случая, писатель вместе со своим героем приходит к обобщениям, философским размышлениям о месте, роли человека на земле, о человеческих страстях и т.д.

Несобственно-прямая речь в повести передает не только сиюминутные эмоции и мысли героя, но и умо-заклечения, созревшие в процессе размышления, например: «А чего бояться? Что ему скрывать? Мысли Николая переключились в другое русло, как будто сам себя хочет оправдать. У Таи что раньше не было женихов? У такой, как она, не один был, толпой ходили, наверное. У каждого человека была первая, незабываемая любовь. Чего же тогда ему бояться, зачем скрывать годы своей молодости?» [Там же].

Рассматриваемый нами прием, в отличие от прямого авторского повествования, дает писателю возможность, сохраняя в повествовании приоритет авторской перспективы, принимать активное участие в жизни своих героев, прочувствовать то, что их тревожит, выражать свое отношение к ним, воспроизводить психоречевые особенности героев, богатство языковых интонаций. Не разрушая целостности авторского повествования, прозаик переходит от своей речи к речи Николая, точно передает нюансы его состояния и впечатлений. В целом, именно несобственно-прямая речь в повести воссоздает атмосферу непонимания, опустошенности, одиночества, сожаления, окружающую героя. Она выражает чувства героя и косвенно передает его внутренний самоанализ.

В системе композиционных форм, используемых для воспроизведения внутреннего мира героя, важна и роль внутренних монологов. Они «возникают в различного рода трудных и ответственных положениях – в моменты опасности, внутренней борьбы, сильного возбуждения и высшего напряжения всех сил, в моменты неудовлетворенности собой и окружающим; отражают напряженные мысли, умственные искания, думы и размышления, принятие ответственных решений в критические, переломные моменты, знаменующие какой-то поворот в развитии личности и приводящие в движение весь душевный механизм» [6, с. 33]. Внутренний монолог в повести Г. Алексеева представлен в двух видах: монолог-размышление и монолог-воспоминание.

Как отмечает И. В. Страхов, «во внутренних монологах-воспоминаниях персонажа находят отражение отдельные, наиболее важные этапы жизни. Монологи-воспоминания играют важную роль в сюжетостроении произведения, показывают пути формирования характеров в течение длительного времени, способствуют принятию ответственного решения в настоящем. Использование монологов-воспоминаний приводит к нарушению последовательности, к включению разновременных периодов из жизни субъекта внутренней речи. Тем самым расширяется временно-пространственный диапазон произведения» [Там же, с. 35]. Ретроспективные монологи, встречающиеся в повести «Осиротевшие души», воссоздают самые острые моменты прошлой жизни Мили, оставшейся без поддержки любимого, родных и близких, с ребенком на руках; эти моменты переживаются героиней как настоящее: «Думала, ты все равно как-нибудь да почувствуешь, узнаешь и придешь. Верила, что у нас все будет хорошо... Я тогда как будто вмиг повзрослела, набралась ума, что ли. Беспокоилась только о тебе и о нашем ребенке. И в мыслях у меня не было, что придется нам расстаться. Думала, мы всегда будем вместе. Ты выучишься. Я поставлю ребенка на ноги, воспитаю, а потом сама буду учиться. Ты всегда был у меня не только в мыслях, но и чувствовала всегда тебя рядом. Искала твои следы, вновь и вновь жила воспоминаниями. <...> Как же ты тогда был мне нужен, Николай!» [1, с. 140]. В своих откровениях Миля пытается реконструировать былые переживания, чувства, боль, надежды и ожидания. В глубоком самоанализе матери-одиночки, надломленной и оскорбленной, можно увидеть специфику ее душевного склада, мотивы, определяющие ее поступки.

Очень часто воспоминания героини сопровождаются противоречивыми размышлениями, размышлениями-спорами: «Раз ты так просишь, я могу быть твоей... Но... не надо этого делать, Николай! Я не могу выйти за тебя замуж. Все, что было хорошего, мы все разрушим, потеряем. Между нами теперь не может быть никакой любви. Ведь ты любишь не меня, а то счастливое прошлое, ту далекую Милу, ту любовь» [Там же, с. 152].

Монологи-размышления Мили и перебивающие их аналогичные внутренние «высказывания» Николая плавно переходят в скрытые (психологические) диалоги, как и внутренние монологи героев, воспроизводят поиск героями решения нравственных проблем, столкновение в них двух противоположных точек зрения. Внутреннее раздвоение фиксирует тревожность персонажей, мучительность их внутренней борьбы. В сопутствующих эмоциях, воспоминаниях, желаниях отражаются поиск героями истины, попытки найти убедительный ответ на волнующие их вопросы, эмоционально-насыщенный поток мыслей. Поэтому во внутренних монологах-размышлениях находим обилие вопросов, восклицаний и соответствующих им синтаксических форм: «Хорошо, пускай будет по-твоему... А какая я сейчас – ты знаешь? А каким стал ты – я знаю? Ведь сколько времени прошло, сколько перемен произошло. Ты думаешь, что все так легко можно забыть, вытереть из памяти? Подумай об этом, Николай, дорогой... – Миля вот-вот заплачет, вся дрожит. – Это сейчас ты так чувствуешь, но пройдет время, ты поменяешь свое мнение, успокоишься и ... одумаешься. Я верю, что ты согласишься тогда со мной» [Там же]; «Я с тобой не согласен, Миля. Нет-нет, совсем не согласен! Ты об одном забываешь – о Коле. Ведь он соединил нас до конца жизни, навеки. Какая жизнь без детей! У нас с Таей их никогда не будет. Значит, у меня один единственный ребенок, Коля, больше и быть не может, возможно, я никогда не стану отцом... если мы с тобой не сойдемся... Эх, Миля, Миля, как ты этого не понимаешь, не можешь понять, не чувствуешь, ведь каждый человек должен оставить после себя потомство. Чем дольше живешь, с каждым годом об этом начинаешь задумываться все больше и больше. Когда я узнал, что у нас не может быть детей, как было тяжело на душе. Каждый день мысли об этом переполняли меня, и вдруг сегодня, неожиданно-негаданно, такая встреча. Как будто с неба свалился такой подарок...» [Там же].

Итак, прямая форма психологического изображения в повести Г. Алексева является одной из самых эффективных форм, способствующих более полному, глубокому раскрытию внутренней жизни героев, конфликтной ее природы. Благодаря использованию различных приемов и средств «прямого психологизма» разносторонне раскрывается духовный мир персонажей, их сложная интеллектуальная жизнь, «поведение, поступки, вытекающие из скрытых от взора побуждений, намерений, помыслов, получают внутреннюю мотивировку, убедительное обоснование» [2, с. 37]. Все это позволяет выйти писателю на нравственно-психологический и нравственно-философский уровень художественного осмысления человека и мира.

Список литературы

1. **Алексеев Г. В.** Погонан рвезылык: повесть денойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 208 с.
2. **Гареева Г. Н.** Некоторые приемы психологического раскрытия характеров в башкирской прозе // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 39 (177). Вып. 38. С. 33-37.
3. **Есин А. Б.** Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
4. **Сандаков Г. Н.** Эпос революции и современность: Марийская проза в контексте литератур Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 152 с.
5. **Скафтымов А. П.** Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. 535 с.
6. **Страхов И. В.** Психология внутренней речи. Саратов: Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1969. 58 с.
7. **Черкашина Т. Ю.** Мемуарная автобиография и автобиографические мемуары: схожесть и различие понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 196-199.

FORM OF PSYCHOLOGICAL REPRESENTATION IN THE STORY BY G. ALEKSEEV “ORPHANED SOULS”

Ryabinina Marianna Vladimirovna

*Mari State University
mari.riabinina@yandex.ru*

The article is dedicated to the investigation of the direct form of psychological representation in the story by Mari writer G. Alekseev – “Orphaned Souls”. The paper for the first time identifies and describes the prevailing techniques of “direct psychologism”, their functions in the artistic text. The researcher defines the specifics of using the reported speech by the author, reveals its connection with the narrative perspective of the text, and analyzes the basic types of inner monologue.

Key words and phrases: Mari literature; story; forms of psychological representation; techniques of psychologism.

УДК 811.511.152

Филологические науки

В статье рассматривается проблема глагольного словосочетания в мордовских языках, в частности, количественно-структурная характеристика словосочетания. Необходимость исследования структурной организации словосочетаний обусловлена недостаточной изученностью синтаксических единиц в мордовских языках. В своей работе мы исходим из признания простых, сложных и комбинированных глагольных словосочетаний в мордовских (мокшанском, эрзянском) языках.

Ключевые слова и фразы: глагол; глагольное словосочетание; структура словосочетания; структурные типы; модели; схемы; компоненты словосочетания.

Савостькина Марина Ивановна, к. филол. н., доцент

*Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева
savostkina_MI@mail.ru*

**КОЛИЧЕСТВЕННО-СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ[©]**

Глагольные словосочетания представляют собой один из распространенных и употребительных типов словосочетаний в мордовских языках.

Глагольное словосочетание – это такая синтаксическая единица, которая состоит из двух и более организованных по правилам данного языка слов. Главным компонентом, организующим центром выступает глагол со своими лексико-грамматическими свойствами.

Как известно, все части речи способны распространяться разными зависимыми словами, но не в одинаковой мере. «Особенно богато по своим конструктивным свойствам глагольное слово, – пишет Н. Н. Прокопович. – Это объясняется той большой ролью, которую играет глагол в грамматическом строе языка» [12, с. 143].

Исследователи и теоретики синтаксиса в различной степени касались проблемы словосочетания, и в частности его объема. Вопрос об объеме и границах словосочетания затрагивается в работах многих языковедов [1-4; 7; 8; 11-14; 16].